

ИНДОНЕЗИЙСКОЕ правительство пригласило корреспондентов и кинооператоров из многих стран на торжества по случаю воссоединения Западного Ириана с Индонезией. В течение многих лет индонезийский народ вел самоотверженную борьбу за Западный Ириан. И голландским колонизаторам пришлось покинуть остров. 1 января 1963 года спустился флаг Нидерландов, и над Котабару взвился голубой флаг ООН и красно-белый — Индонезии. Полгода страной управляла администрация ООН совместно с индонезийскими чиновниками. А завтра, 1 мая 1963 года, на флагштоке останется только красно-белое полотнище: ООН выводит свои войска из страны, власть перейдет к тому, кто должен ее иметь по праву...

Три с лишним тысячи километров от Джакарты до Котабару, административного центра Западного Ириана...

Утром, выйдя из гостиницы, я увидел, что на каждом доме вывешен красно-белый национальный флаг Индонезии. Красно-белые флажки несли в руках ирианцы, направлявшиеся на городскую площадь. Над дорогами повисли арки, перевитые красно-белыми полотнищами, украшенные связками бананов и кокосовых орехов.

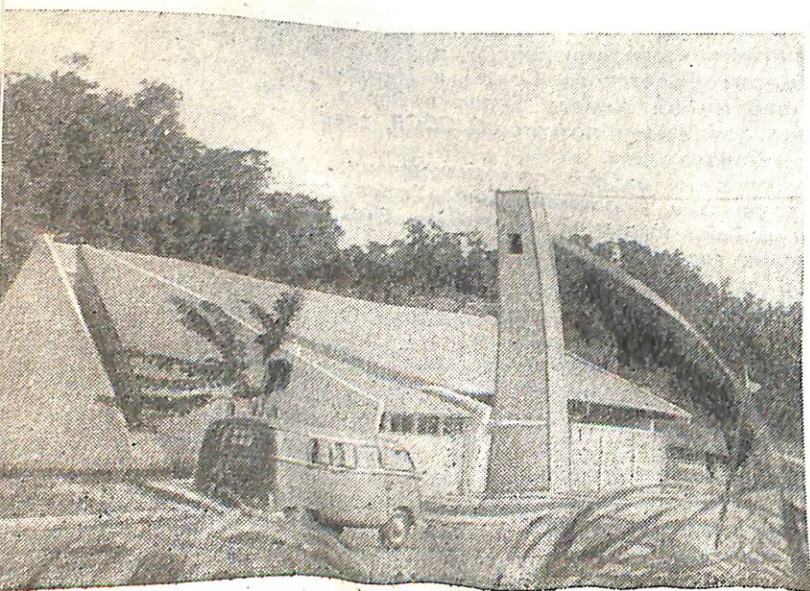
На площади собралось уже много народу: чиновники ООН, командование индонезийской армии и войск ООН, жители Котабару и ближайших деревень. Торжественная церемония началась. Прибывший на праздник министр иностранных дел Индонезии доктор Субандрио произнес речь. Затем вы-

ступил представитель администрации ООН на Западном Ириане Джалаль Абдох. «С настоящей минуты, — заявил он, — ООН слагает с себя административные и государственные функции и передает власть индонезийскому правительству». Под звуки марша медленно спускается флаг Организации Объединенных Наций. Рослый пакистанец — сержант войск ООН — отвязывает его от флагштока. У мачты рядом две миловидные индонезийские девушки в военной форме. Проходит минута, и над нашими головами теплый ветер развеивает красно-белое полотнище.

Соединения войск ООН уходят с площади и направляются к автобусам, которые доставят их на аэродром. «Голубые каски» покидают Западный Ириан.

Нас разместили в виллах, где раньше жили голландцы. Уютные домики стоят на холмах: здесь не так жарко, с океана тянет прохладный ветерок. Из окна и с террасы хорошо видна деревенька: домики на сваях, поодаль — белая полоса прибоя у кораллового рифа. Деревня кажется отсюда такой экзотической... Но вблизи все выглядит совсем не так романтично. Стены хижин сплетены из прутьев, крыши их покрыты пальмовыми ветвями. Вот дом: под одной крышей в комнате (если можно так выразиться) живут две семьи — всего 16 человек. По берегу бродят тощие черные поросята. Ребятишки с большими отвислыми животиками возятся в пыли, бойкая девчонка обыгрывает ребят поменьше в какую-то игру, очень похожую на нашего «чижика».

Католическая церковь в Котабару.



Хижина на сваях в прибрежном районе острова, недалеко от Котабару.



Нищета, убожество... Над деревенькой, над заливом плывет унылая мелодия песни. Певцом оказался старик по имени Солмон Макной, староста деревни. В разговоре, который велся с помощью индонезийского чиновника, сопровождавшего меня, я выяснил, что Макной не знает, сколько ему лет. «Много», — сказал он, — очень много. Читать и писать? Нет, не умею. Был ли я в кино? А что такое кино? О спутниках не слышал, но сыновья говорили о какой-то железной луне. Войну помню хорошо, японцы тогда убили много наших. Тяжелое было время, да и потом — не легче». Я попросил старика спеть песню, которую я слышал, для записи на магнитофон.

Около домиков группа мужчин выдалбливает новые лодки. Инструменты самые примитивные, но с какой любовью работают мастера, с каким вкусом вырезают орнамент и украшения вдоль борта!

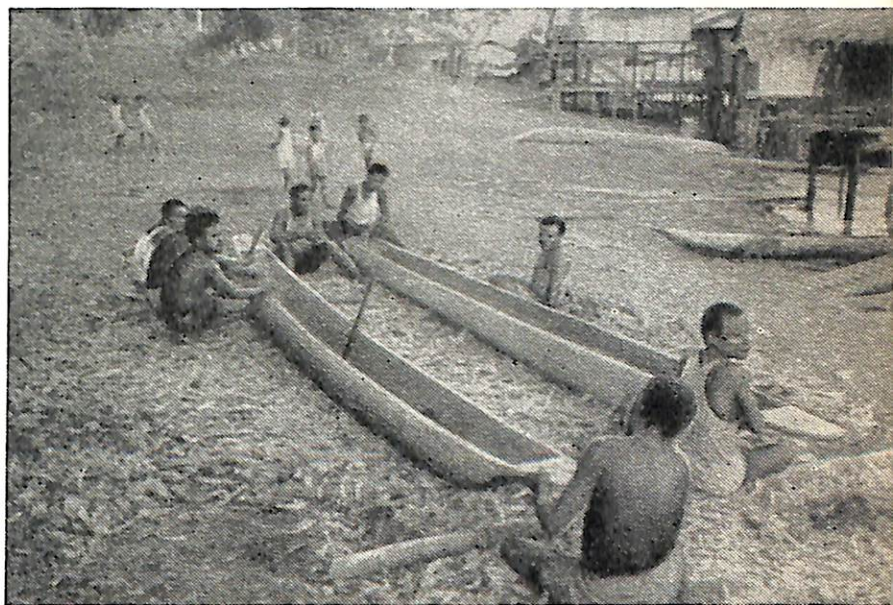
Видел я, как ловят здесь рыбу. Поздно вечером небольшая флотилия утлых суденышек выходит из деревни. На лодках не видно сетей, зато горят керосиновые фонари. Рыбу, которая собирается на их свет, бьют длинным копьём с зазубренным наконечником. Некоторые рыбаки ухитряются попасть в цель, бросая копьё на 20—25 метров. Довольно редко пользуются сетями и снастями с крючком. Рано утром, как восходит солнце, рыбаки подгребают к городскому базару, выкладывают на прилавки свой улов: морских окуней, молодых акул, которые ценятся здесь из-за плавников — деликатес!

В Западном Ириане живет примерно 700 тысяч человек, но точную цифру назвать невозможно, никогда не было здесь переписи населения. В Котабару — 15—20 тысяч человек. Главную улицу можно пройти за 15 минут и сразу упрешься в джунгли. На ней пять-шесть трехэтажных домов, остальные — небольшие домики в один-два этажа. Зато церкви...

Протестанты, баптисты, католики, какие-то малоизвестные секты. Все активно работают, все стараются обратить ирианцев на путь истинный. Между различными миссиями идет жестокая борьба за сферы влияния.

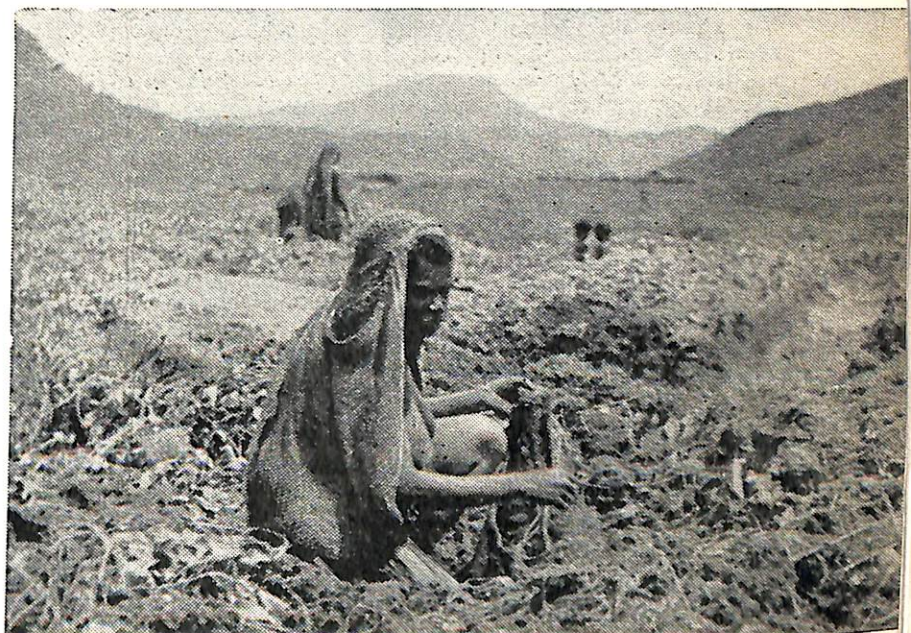
Церковь здесь богата. Даже своя авиация есть, свои радиостанции, свои аэродромы — отдельно католические, отдельно протестантские. И только с помощью церковной авиации попал я в такие места, о которых до сих пор на картах Западного Ириана можно прочесть: «Не исследовано».

В долину реки Балим, где живет около 100 тысяч человек, представитель цивилизованного мира попал впервые только в 1955 году. Это был все тот же крылатый миссионер. С помощью новых индонезийских властей удалось договориться с миссионерами: и согласились (конеч-



Эти лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева, называются «праху».

Женщина из племени охела собирает бататы.



но, небезвозмездно) доставить меня во внутренние районы острова. Сопровождавший меня миссионер выглядел как заправский летчик: коротко, ежиком, подстриженные волосы, шорты, сигара в зубах.



Молодежь свободного Ириана.
Фото автора

формы, желтоватого цвета, с перламутровым отливом. Ракушки-каури, как их называют, заменяют здесь деньги. Мне не удалось выяснить официальный курс ракушек в переводе, скажем, на доллары, но, как я узнал, за день работы на поле их можно получить от двух до четырех штук.

Деревня Весапут, к которой мы подошли, стоит на берегу быстрой извилистой реки Балим. В ней около тридцати хижин, стены сплетены из прутьев и обмазаны глиной, крыши — из пальмовых ветвей и соломы. Внутри хижины всегда поддерживается огонь, так как добывается он с помощью трения. В деревне почти никого не было, лишь старики да болезненного вида грязные детишки. «Все в поле, — объяснил мой экскурсовод, — женщины работают, а мужья за ними наблюдают».

Мужское население деревни немало времени уделяет войнам или подготовке к ним. Воюют по разным поводам: тут и увод свиньи другим племенем, и месть за убитых в прошлых сражениях, и уход женщины от мужа в другую деревню. Сражения ведутся, как мне рассказали, жестокие, несмотря на то, что оружие кажется примитивным для двадцатого века: лук, стрелы да копья.

Каждое племя имеет двух вождей: одного для устройства гражданских дел, другого — военачальника. Вожди могут только рекомендовать, но право окончательного решения остается за собранием всего племени. Интересы племени строго соблюдаются каждым членом общины. Так же строго охела относятся и к семейным обязанностям супругов, несмотря на то, что многоженство — обычное явление. Например, вдова не может отходить от умершего или убитого мужа очень долго, несколько недель. Родственники носят ей еду и питье. Выйти вторично замуж она имеет право только во время большого праздника свиней, дата которого устанавливается собранием племени. В этот праздник разрешается также есть некоторые виды овощей, которые были «табу» при трауре. Тут же совершаются свадебные обряды. Мужчины обычно женятся в 20 лет, девушки выходят замуж 12—13 лет. В дни праздника жители деревни вдоволь едят свинину, устраивают танцы, состязания. Существует также праздник кокоса, когда сажают кокосовые пальмы.

Многочисленные миссии обосновались во внутренних районах острова. Миссионеры несут папуасам слово божье, забывая о главном. Нет, не бога нужно ввозить сюда. Гораздо больше местные жители нуждаются в больницах, школах и других очагах цивилизации.

Население не очень доверяет проповедникам слова христового. В одной из деревень близ острова Енаротали несколько лет назад даже вспыхнуло восстание против миссионеров, но голландцы бы-

Привычным движением проверил, хорошо ли увязан груз, попросил меня пристегнуться к креслу и завел мотор маленького американского самолета.

...Только теперь по-настоящему понятно, почему во внутренние районы острова не могли попасть раньше. Над джунглями летим полтора часа. Горные хребты, ущелья, сплошь заросшие колючим кустарником, порожистые бурные реки. Самолетик протискивается в узкую складку между скалистыми хребтами. Сквозь разрывы в облаках показалась обширная долина. Желто-коричневая речка, извиваясь восьмерками, прорезает ее. После трехчасового полета над совершенно пустынными местами странно видеть квадраты разделанных полей и маленькие деревушки. Тем более дико выглядела бетонированная дорожка аэродрома. И как выяснилось через десять минут, по обеим сторонам аэродромного бетона начинался каменный век...

Мы отправились в ближайшую деревеньку — кампонг с местным районным начальником. По дороге он рассказал о племени охела (облако), которое живет в этой деревушке. Здесь разводят батат — сладкий картофель. Мужчины должны вспахать поле, всю остальную работу — посадку батата, уход за посевами и уборку урожая — выполняют женщины.

Тщетно я оглядывался по сторонам, пытаюсь увидеть знакомую фигуру пахаря: оказывается, пахут здесь вовсе не плугом и даже не сохой. Кол, обыкновенный кол, втыкается в землю, им выворачивают кусок почвы, и этим же колом разрыхляют. Питаются местные жители не только бататами, но и сахарным тростником, бананами. Охела разводят свиней, но мясо едят очень редко, свинья — предмет роскоши. Только очень богатая семья может позволить себе держать семь-восемь животных. Мне сказали, что купить поросенка можно за 10 ракушек. «Какие ракушки?» — спросил я, и районный начальник вытащил из кармана горсть красивых маленьких ракушек. Они все были одной

стро пресекли беспорядки, послав отряд солдат на самолетах. Было сожжено несколько деревень и убито около двухсот коренных жителей.

Таким остался Западный Ириан после многолетнего владычества Голландии.

4 мая в бухту Гумбольдта вошел индонезийский военный корабль «Ириан Барат». На его борту находились президент Сукарно, члены дипломатического корпуса, министры. Все жители города от мала до велика вышли на набережную и улицы города, чтобы встретить и приветствовать президента.

На городском стадионе состоялся митинг. Вновь назначенный губернатор провинции принес присягу честно служить народу. Затем к микрофону подошел президент. Жители Котабару и ближайших деревень, представители племен, прибывшие на празд-

ник, с огромным вниманием слушали взволнованную речь Сукарно. Он говорил о тяжелом прошлом Западного Ириана, о борьбе индонезийского народа за независимость и воссоединение. Он рассказал об обширных планах развития хозяйства провинции, о культурной революции, которая в ближайшее время начнет осуществляться на Западном Ириане.

В тот же день здесь было объявлено об открытии народного университета. По фасаду здания университета огромными буквами выведено слово, ставшее самым популярным, самым любимым в эти дни: «Мердека» — «Свобода» — слово, за которое людей бросали в тюрьмы, ссылали, казнили. Сейчас это слово повторяет каждый, оно летит над городом, над бухтой, над островом: «Мердека» — «Свобода». Она пришла в Западный Ириан.

Дагестанская АССР. Пря-
дильно-ткацкая фабрика
имени III Интернациона-
ла — старейшее предприя-
тие республики — пережива-
ет вторую молодость. Здесь
установлены новейшие оте-
чественные машины, позво-
ляющие значительно повы-
сить производительность
труда.

Продукция предприятия
идет далеко за пределы Со-
ветского Союза. Только в
1962 году в страны Афри-
ки было отправлено пять
миллионов метров тканей.
На снимке: браковщицы
проверяют ткань, отпра-
вляемую в Гвинею.

Фото Р. Дика
(Фотохроника ТАСС)

